

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕКЕРМАНЪ Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Изъ переписки двухъ друзей. —
 II. Родя. (Стих.). Петра Вейнберга. — III. Деревен-
 скій священникъ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ДВУХЪ ДРУЗЕЙ.

Письмо изъ подмосковной деревни.

Вторникъ, утромъ.

ТОЛЬКО что я прочитала твое письмо изъ Рима, другъ мой Анатолий, въ которомъ ты пишешь о нашемъ туда прїѣздѣ и о знакомствѣ съ семействомъ художника, какъ мнѣ подали письмо отъ мамы и папы. Богъ знаетъ, какъ я была рада твоему письму; чи-

тала его, перечитывала, даже улыбалась отъ удовольствія, но читая письма папы и мамы, залилась слезами,—слезами какого-то такого счастья, что такъ бы и плакала все; да вдругъ, и сама не знаю какъ, прижала письмо къ губамъ, поцѣловала и отъ радости размѣялась;—смѣюсь и плачу, точно какъ сквозь солнце тихій дождь идетъ: тѣ небесныя слезы не потопляютъ земли и цвѣтовъ, а освѣжаютъ и живутъ. Да, и меня оживили слезы радости. Письмо было влажно отъ нихъ. Я не могла начитатьъ его—оно все дышетъ любовью; не могла насмотрѣться на него. Они пишутъ, что тоскуютъ вдали отъ меня, но рады, что я осталась у бабушки; говорятъ, что дѣла отнимаютъ у нихъ много времени и заставляютъ дѣлать частыя поѣздки. Просятъ меня писать чаще обо всемъ, и о моихъ удовольствіяхъ и о моихъ печаляхъ. Удовольствія мои просты, гуляю, думаю объ нихъ и о тебѣ; а печаль—разлука съ ними, да что у нихъ много хлопотъ и безпокойства; жаль что и тебя нѣтъ со мной, но тебѣ прекрасно,—такъ и грустить не за чѣмъ. Представь себѣ, отъ душевнаго волненія, читая письмо мамы, я не обратила вниманія на его конецъ, да вдругъ, перечитывая, не знаю въ который разъ, остановилась на окончаніи, точно увидала какую-то новость. Въ родѣ прибавленія, мама пишетъ: ядумаю, моя Катя, ты внимательно занимаешься съ дядей Жозефомъ — исторіей, географіей и французскимъ языкомъ; а днемъ, кромѣ прогулокъ, przygotowujesz урокъ.

Я была поражена—мнѣ и въ голову не приходило учиться съ Жозефомъ, хотя онъ не разъ предлагалъ мнѣ; я всегда отвѣчала, что это можетъ утомить его и что я считаю время, которое живу у него—вакаціей.

Въ письмѣ папы тоже былъ постскриптумъ; въ немъ онъ говоритъ: вотъ, моя Катя, теперь ты можешь приобрести самыя полныя знанія, съ помощію бабушки, о нравахъ и привычкахъ домашнихъ животныхъ, о садоводствѣ и огородничествѣ. Ты не можешь себѣ представить, какъ все это за-

нимательно. Я знаю, бабушка рада будетъ сообщать тебѣ свои наблюденія, а дядя Жозефъ научно объяснить то, что съ перваго взгляда покажется тебѣ непонятнымъ. Представь себѣ,—на все это, что имъ такъ нравится, я и вниманья не обращала. Съ тѣхъ поръ, какъ живу у бабушки, я ни одной книги не раскрыла, ни одной тетради не тронула. Съ утра до вечера гуляю, то въ саду, то въ полѣ; забѣгу на птичный дворъ—цыплятами полюбуюсь; съ птичнаго на огородъ, — тамъ натаascaю изъ грядъ моркови, рѣпы, рѣпу я очень люблю; рву и шелушу себѣ въ фартукъ сахарный горошекъ,—онъ отличный, настоящій сахаръ;—какъ же все это разводится, растетъ, какъ ухаживаютъ за всѣмъ этимъ — я и не заботилась узнать. А сколько ягодъ въ саду! и яблоки ужъ поспѣваютъ, — нѣкоторые сорта,—какъ бабушка выражается. Бабушка сказала мнѣ, указывая на огородъ и садъ: „кушай, Катя, что хочешь, на здоровье, душа мѣру знаетъ.“ — Вечерами я люблю сидѣть у раскрытаго окошка въ своей комнатѣ; смотрю какъ вечерняя заря родится и гаснетъ, дышу запахомъ всевозможныхъ цвѣтовъ, слушаю какъ коростели переклинаются во ржи, а въ комнатѣ копошится няня, убираетъ постель ея, мою взбиваетъ, — вѣдь бабушка мнѣ пуховикъ положила; пухъ у нея отъ своихъ гусей: я такъ и тоню въ пуховикѣ. Лягу въ постель, няня сядетъ подлѣ на кресло; поболтаю съ ней и стану засыпать, а она перекреситъ меня, задернетъ серпанку и уйдетъ. Няня кланяется тебѣ, Анатолю: стара тановится, плохо видитъ. Все по прежнему — тихая, добрая, простая. Почти каждый день бабушка и дядя ходятъ со мною въ поле; дядя такъ широко шагаетъ, что насилу поспѣваешь за ними, а бабушка заботливо присматривается къ житю, къ овеу и особенно ко льну, радуется что ленъ хорошъ уродился: у бабушки дома прядутъ и ткутъ полотна; она обѣщала мнѣ на шесть рубашекъ своего домашнего полотна. Здѣсь зимой прядутъ дворовыя женщины и дѣвушки; у бабушки остались почти всѣ дворовые люди

и по освобожденіи; бабушка и сама прядетъ — прядетъ ея любимая работа, — да еще изъ нитокъ своей пряжи Жозежу носки вяжетъ. Я замѣчаю, что дядю все это очень мало занимаетъ, и онъ только въ угожденіе матери радуется жити и овсу, а ленъ ему нипочемъ. Я не столько съ ними хожу, сколько забѣгаю въ рожь за ва силъками: ихъ пропасть—точно яхонты горять на солнцѣ; плету изъ нихъ вѣнки, вѣшаю вѣнки у себя въ комнатѣ по стѣнѣ, или надѣну себѣ на голову, иногда впутую туда полевыхъ гвоздичекъ, а бабушка поглядитъ на меня, улыбнется и волосы мнѣ поправитъ. Я плету волосы въ двѣ косы и спускаю ихъ,—такъ легче: косы длинныя такія стали, вокругъ головы тяжело обвязывать.

— Больше всего мнѣ нравится ходить въ лѣсъ за грибами. Лѣсъ недалеко,—сейчасъ по рѣчкѣ, и какой славный! его не лѣсомъ, а рощей зовутъ, все дубъ да березнякъ, дубъ да березнякъ, и густой такой; мѣстами въ немъ полянки зеленныя. Рощу эту очень берегутъ—даже чистятъ; грибовъ въ ней пропасть,—больше березовики; попадаются и бѣлые, тамъ гдѣ дубнякъ. Березовиковъ много родится по полянкамъ—семействами, смотришь—темнѣетъ изъ травы шапочка; наклонишься—грибъ, а подлѣ другой, третій, въ двухъ шагахъ десятокъ, почти рядкомъ. Нынѣшній годъ грибной отъ того, что безпрестанно дождь перепадаетъ, съ громомъ и молніей: воздухъ дивный послѣ грома; какъ не расти грибамъ и цвѣтамъ—и я здѣсь подрастаю. Въ лѣсъ мы ходимъ не одни, забираемъ съ собой няню, Васильевну—экономку бабушкину, дядина стараго слугу дяди—Якова, и двухъ дѣвочекъ, одна изъ нихъ Аня, два года постарше меня, ходитъ за бабушкой,—славная дѣвочка—читать умѣетъ! Бабушка большая охотница и братъ, и кушать грибы; ихъ у нея готовятъ на разные манеры: жарятъ въ сметанѣ съ лукомъ, дѣлаютъ духовые въ горшечкѣ, въ видѣ соуса, пироги съ ними пекутъ; солятъ, въ уксусѣ варятъ, это только бѣлые, да рыжики и грузди;—за груздями въ чужую рощу ходятъ. Въ лѣсу на

бабушку весело смотрѣть—такъ она бодро, легко ходить съ своимъ кузовкомъ, а дядя пресмѣшной: ему все равно, что грибъ, что поганка; ищетъ въ очкахъ, беретъ только крупные: два три гриба положить въ корзинку и полна. Жаль земляника сходить. Аннушкѣ какъ только попадется грибное мѣсто или кустарникъ ягодъ, такъ и кричить: барышня, идите сюда—вмѣстѣ и собираемъ. Когда наберемъ грибовъ цѣлые кузовки, наложимъ на нихъ лѣсныхъ цвѣтовъ; дома изъ нихъ навяжемъ букетовъ и поставимъ въ воду, въ банки изъ подъ варенья, по всѣмъ комнатамъ У меня на моемъ письменномъ столикѣ всегда стоятъ два свѣжихъ букета,—не подумай, что у меня въ самомъ дѣлѣ письменный столъ,—и небывало,—у меня простой некрашенный столикъ изъ ольхи, но очень милъ—цвѣтъ ольхи розоватъ, дерево волнисто. Бабушка нарочно для меня заказывала сдѣлать этотъ столикъ Ивану, что я говорю, — точно ты знаешь, что за Иванъ,—Иванъ столяръ; вся мебель въ домѣ его работы, простая, но очень удобна. Бабушка и дядя Жозефъ любятъ простоту во всѣмъ. Иванъ, кромѣ того что дѣлаетъ мебель и кадки, презабавно играетъ на балалайкѣ въ сумерки, когда работы нѣтъ. Иногда кто нибудь изъ дворовыхъ проходя мимо, пропляшетъ или пропоетъ, и самъ онъ пѣтъ охотникъ. Но вотъ, заговорившись съ тобой о нашемъ житьѣ, я совсемъ отклонилась отъ приписки папы и мамы. Прощай до завтра.

Вечеръ среда.

Не рѣшаясь показать письмо бабушкѣ, я сидѣла въ раздумѣ, какъ она вошла ко мнѣ въ комнату,

Я было прикрыла письмо рукой, но одумалась и подала ей его.

— Нѣтъ, дитя мое, сказала бабушка ласково, что бываетъ между дѣтей и родителей, для другихъ должно остаться тайной.

— Прочитайте, бабушка милая, возразила я съ живостію,

и такъ настойчиво, что она 'согласилась, вынула изъ кармана очки и подошла къ окну.

Пока бабушка читала, я посматривала на нее; дойдя до конца, она, добродушно улыбаясь, сказала: ну чтожъ, Катюша, я рада съ тобой вмѣстѣ заниматься моими птицами. Давай за одно хозяйничать: ты скоро полюбишь моихъ животныхъ и растенья. Я бросилась бабушкѣ на шею и такъ горячо обняла ее, что у нея отъ удовольствія блеснули на глазахъ слезы; она сняла очки, и отерла глаза платкомъ, говоря.

— Да, Катя, всѣмъ, что знаю, подѣлюсь съ тобой. Познанья Жозефа очень занимательны, но въ приложеніи къ дѣлу я несогласна съ нимъ; по его ученому, вмѣсто птичника надобно бы было выстроить египетскую печь для высиживанія куриныхъ, гусиныхъ, утиныхъ яицъ, а по моему гораздо вѣрнѣе и дешевле оставлять яйца подъ птицей. Конечно, Жозефъ рассказывалъ мнѣ много замѣчательнаго о птицахъ, говорилъ, что у нихъ въ костяхъ не мозгъ, а воздухъ, что гуси, жившіе въ Римѣ на Капитоліѣ—Римъ спасли,—Римъ, гдѣ теперь нашъ Анатоль;—вотъ оно и къ стати: можетъ и онъ что нибудь сообщить о римскихъ гусяхъ (письма твои, Анатоль, Жозефъ читаетъ съ большимъ интересомъ, и бабушка также). Все что рассказываютъ ученые, продолжала бабушка, довольная, что попала на свою любимую тѣму, хорошо только въ теоріи; теоріи и годны для ученыхъ, но я цѣню простоту и пользу.

— Ну, какъ же Катя, будемъ вмѣстѣ хозяйничать?

— Конечно, бабушка.

— Придется трудится, душа моя.

— Очень рада; пожалуйста, давайте дѣла по больше.

— Съ дядей будешь заниматься вечерами, а со мной иногда утромъ ходить на птичный дворъ и на огородъ.

— Каждый день, если вамъ угодно.

— Надобно и гулять: въ твои лѣта необходимы удовольствія и развлеченія.

— Прогулки въ поле меня мало занимаютъ, бабушка.

— Неужели? тѣмъ лучше... а мы съ Жозефомъ думали, что тебѣ хочется гулять: прогулки эти его утомляли, и вечеромъ онъ уже ничего дѣлать не могъ. Тутъ только я начала понимать, что за рѣдкіе люди бабушка и дядя, и какъ они, по добротѣ своей, жертвовали мнѣ даже привычками своими. Я хочу, чтобы и ты больше узналъ ихъ.— Вотъ тебѣ ихъ біографія:

„Бабушка родная сестра матери моего отца, и отца твоей матери, съ которыми она жила душа въ душу, поэтому и дѣтей ихъ—моего отца и твою мать, очень любила съ ихъ дѣтства. Мужа своего бабушка лишилась рано, и осталась съ малолѣтнимъ сыномъ Жозефомъ, при небольшомъ подмосковномъ имѣньи, на которомъ еще былъ долгъ. Бабушка очень любила мужа и была поражена его кончиной, но не потеряла присутствія духа, стала трудиться, и трудами дала, сыну обширное, прочное образованіе. Жозефъ имъ воспользовался какъ нельзя лучше, и въ свою очередь посвятилъ свою жизнь матери, которая любитъ его безмѣрно. Имъ обоимъ нравилась сельская жизнь, поэтому они большую часть года жили въ деревнѣ, а зимой въ Москвѣ, гдѣ дядя прежде давалъ уроки, и помогалъ этимъ матери. Доходы, которые бабушка получала съ своего хозяйства, и получаемое съ уроковъ дядей превосходили ихъ расходы, поэтому бабушка всегда откладывала немного денегъ, чтобы Жозефъ ея не терпѣлъ нужды, когда ея не будетъ.

Всего больше удивляетъ меня въ ихъ жизни то, что дядя, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, держитъ себя относительно матери какъ ребенокъ: она одна полная хозяйка; она всѣмъ распоряжается, управляетъ домомъ какъ ей угодно, ведетъ счета сына, который ей ни въ чемъ не противорѣчитъ, никогда ни на что не сердится и соображается съ ея привычками даже въ мелочахъ. Я, ты знаешь, нѣсколько избалована любовью родителей,—я долго не могла понять этого.

Дядя и не женился потому, чтобы нераздѣльно жить

для матери говорятъ; ему представлялись хорошія партіи. Жозефъ не красивъ, но у него добрые, умные глаза, и всѣ черты лица выражаютъ кротость и благородство. Походка у него и рѣчь просты. Образъ жизни ихъ вотъ какой: утрами послѣ чая бабушка осматриваетъ свой птичный дворъ, освѣдомляется у птичницы о курахъ, гусяхъ, индѣйкахъ и уткахъ, а дядя въ своемъ кабинетѣ занимается. Послѣ обѣда, отдохнувши, дядя приноситъ въ диванную,—это общая комната—свои книги и тетради, а бабушка, сидя за работой, начинаетъ рассказывать, что дѣлается на огородѣ, въ саду, на птичникѣ, ведетъ счетъ яицъ, цыплятъ, сколько продано фруктовъ, овощей, цвѣтовъ, яицъ. Дядю, я замѣчаю, это мало интересуется, но онъ начинаетъ слушать внимательно, скрываетъ невольную разсѣянность, отвѣчаетъ на всѣ вопросы и поддерживаетъ разговоръ съ терпѣніемъ, которому я удивляюсь. Ему, вѣрно, пріятнѣе бы было заниматься у себя въ кабинетѣ, но онъ никогда не оставляетъ мать одну. Иногда онъ читаетъ вслухъ, а больше самъ про себя, или пишетъ.

Четвергъ.

Вотъ уже недѣля, какъ я начала это письмо къ тебѣ Анатолю—не продолжала до сихъ поръ потому, что, по желанію мамы и папы, приноровлялась къ новому порядку жизни. Послѣ ихъ письма, я на другой же день пошла съ бабушкой къ ея птицамъ. Я очень люблю планшевыхъ кохинхинокъ и бѣлыхъ хохлатыхъ брамапутровъ. Нравятся мнѣ также мохнатые голуби и даже утки: малютки утенята премило плаваютъ и купаются въ пруду,—прудъ недалеко отъ дома, въ немъ водятся золотистые караси: дядя обѣщаетъ сдѣлать мнѣ удочку и научить удить рыбу.—Индѣекъ, особенно гусей, я до сихъ поръ боюсь,—даже возненавидѣла ихъ: они напугали меня. Разъ принесла я крупъ цыплятамъ; гуси и индѣйки бросились на крупу; я сняла съ себя

фартухъ и стала ихъ отгонять. При видѣ моего краснаго шелковаго фартука, развѣвавшагося какъ знамя, индѣйки надулись, гуси захлопали крыльями, вытянули длинные шеи, зашипѣли и бросились на меня. Я побѣжала отъ нихъ и едва попала въ разстворенную дверь.

Съ тѣхъ поръ, индѣйки, какъ увидятъ меня, такъ и надуются, а гуси зашипятъ. Странно, говорила бабушка, какъ только Катя приходитъ на птичную, всѣ птицы волнуются, особенно большой гусь-жако.

Я не имѣла еще чести знать лично большого жако, и попросила бабушку указать мнѣ его.

— Жако, жако, закричала бабушка, поди познакомься съ Катей, не бойся дуракъ!

Изъ стада гусей выступилъ жакъ и, переваливаясь прыжками неловко, какъ и всѣ гуси, побѣжалъ къ бабушкѣ, протянулъ шею и сталъ вертѣть головой такъ смѣшно, что я расхохоталась.

— Иди же, жакъ, иди дуракъ!—говорила бабушка, но жако сталъ на мѣстѣ, точно окаменѣлый.

— Чего это онъ боится, продолжала бабушка, не шляпка ли твоя его пугаетъ?—да вѣдь онъ видалъ соломенные шляпы съ широкими полями. Навѣрное его пугаетъ твой красный фартукъ,—сними-ка его—увидишь, что я угадала.

Едва я начала снимать фартукъ, какъ жакъ испустилъ ужасный крикъ; на этотъ крикъ съ шумомъ сбѣжалась вся стая гусей; я опрометью бросилась домой. Бабушка пришла за мной и, успокоивая меня, сказала, что если я приласкаю жако, то приобрѣту его расположеніе.

— Ласкать жако! вскричала я, нѣтъ это невозможно;—ласкать самую глупую изъ птицъ!

— Не совсѣмъ глупую! возразила бабушка. Гуси признательны за ласку, и иногда привязываются къ хозяевамъ до того, что умираютъ отъ тоски, если ихъ разлучать съ ними.

— Возможно-ли?

— Увѣрю тебя... Пойдемъ въ диванную;— пусть Жозефъ разскажетъ тебѣ исторію двухъ гусей.

— Я хочу писать письма: папѣ, мамѣ и Анатолю, бабушка,—кончу и приду.

— Это очень хорошо, дитя мое, отвѣчала она.

Оставшись одна, я тотчасъ написала мамѣ, что съ слѣдующей почтой она узнаетъ исторію двухъ славныхъ жакъ, въ честь которыхъ дядя Жозефъ пишетъ поэму въ родѣ Илліады, въ которой доказываетъ, что гуси смышленѣе всѣхъ мудрыхъ обывателей нашихъ птичныхъ дворовъ.

Мысль объ этой поэмѣ такъ развеселила меня, что я вышла къ обѣду въ отличномъ расположеніи духа,—мнѣ показалось даже, что между дядею и лапчато-ногими есть сходство, особенно когда онъ прогуливается неровнымъ шагомъ по саду, въ своемъ кожаномъ картузѣ, съ огромнымъ козырькомъ, а изъ подъ свободно повязаннаго, легкаго платка выдается его длинная шея. Когда же бабушка отрекомендовала его, какъ исторіографа знаменитыхъ гусей, то это сходство показалось мнѣ до того разительнымъ, что я, глядя на дядю, расхохоталась.

— Какъ я радъ, сказалъ дядя добросердечно, что ты весела, милая наша Катя, и привыкаешь къ нашему образу жизни; а бабушка отъ удовольствія подошла и разцѣловала меня.

Я сгорѣла отъ стыда, молча сѣла за столъ, и не слышала, что говорили за обѣдомъ. Самыя тяжелыя мысли волновали меня. Наклонность осмѣивать то, чего сами не знаютъ и не понимаютъ,—думая этимъ стать выше другихъ, часто встрѣчается у молодыхъ людей; такъ и я, по жалкой наклонности насмѣхаться, написала мамѣ, что она узнаетъ скоро исторію славныхъ гусей.

Выйдя изъ за стола, я пошла къ себѣ, стала рвать письмо, чтобы бросить его, но разорвавши до половины—опомнилась, схватила перо и написала:

„Милая мама! посылаю тебѣ письмо до половины разорванное. Этимъ хочу наказать себя за то, что осмѣлилась написать такую глупость. Побраните меня, милые. Доброта дяди образумила меня. Можно ли платить насмѣшкой за любовь и расположеніе! побраните меня милые, мнѣ будетъ легче.“

Запечатала письмо и отправила на почту.

Вечеромъ дядя Жозефъ сказалъ, что очень радъ заниматься со мной, и мы условились въ порядкѣ уроковъ. Мы будемъ учиться всеобщей исторіи и исторіи натуральной—сказалъ онъ.

— Мнѣ хочется знать объ инстинктѣ и нравахъ домашнихъ животныхъ, замѣтила я.

— Вижу, смѣясь возразилъ дядя; матушка желаетъ возбудить въ тебѣ нѣжность, къ обитателямъ птичнаго двора, и по исторіи жако, вселить уваженіе къ гусиному роду. Посправедливости говоря, гуси далеко не такъ глупы, какъ о нихъ говорятъ. Наблюдая жизнь гусей и утокъ въ дикомъ состояніи, увидимъ, что они едва ли не превосходятъ голубей, куръ, пѣтуховъ, воспитанныхъ нами. Чрезвычайно любопытно видѣть пока они находятся еще въ дикомъ состояніи, и не утратили даннаго имъ природой инстинкта самосохраненія, какими средствами они добываютъ пропитаніе и какъ хранятъ яицы и дѣтей.

Я слушала дядю внимательно. Теперь уроки наши установились.

Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу тебѣ о нашихъ учебныхъ занятіяхъ и вообще о нашей деревенской жизни. Пиши мнѣ больше и подробнѣе, у тебя роскошь предметовъ для письма.

твоя Катя.

ПИСЬМО ИЗЪ РИМА.

Изъ переписки двухъ друзей.

Римъ окончательно сводить меня съ ума! Въ это короткое время, что я здѣсь, я столько видѣлъ, что право затрудняюсь съ чего начать.

РИМЛЯНКА.

Мнѣ хочется поскорѣе обо всемъ сообщить тебѣ, моему единственному другу, хочется чтобы ты, читая мое письмо,

мысленно перенеслась въ Римъ... Но я не умѣю, хотя хочу писать такъ, чтобы все, объ чемъ я тебѣ пишу, было бы живо и ясно. Меня огорчаетъ, что я еще мало знаю исторію, а потому и не могу передавать тебѣ всего въ подробностяхъ. А вѣдь Римъ, какъ его называютъ, „вѣчный городъ“, и въ немъ встрѣчается такое множество развалинъ, храмовъ, дворцовъ и театровъ, изъ которыхъ нѣкоторые были построены еще до Р. Х., и для того чтобы описать тебѣ ихъ, надобно знать побольше, чѣмъ знаю я. Но ты не взыщешь, если я буду писать, какъ умѣю.

На другой же день, какъ я отправилъ тебѣ мое первое письмо изъ Рима, я пошелъ въ мастерскую художника. Это огромная комната съ однимъ, но очень большимъ окномъ, отстоящимъ отъ пола довольно высоко. Это окно открывается и закрывается посредствомъ веревки. На немъ занавѣска, которая задерживается и отдергивается, смотря по освѣщенію.

Чего, чего только нѣтъ въ этой мастерской! Старинная мебель, различныхъ величинъ мольберты,—знаешь, на что ставятъ картины; манекены, на которые надѣваютъ драпировки, съ которыхъ пишутъ; не знаю, знаешь ли ты, что художники и скульпторы, прежде чѣмъ написать одѣтую фигуру, сначала рисуютъ эту фигуру обнаженною, да иначе, какъ я теперь узналъ, и нельзя. Подъ одеждой трудно видѣть гдѣ именно находится колѣнка или локоть, особенно когда драпировка не обтягиваетъ фигуры. При мнѣ позировалъ маленькій мальчикъ. Мнѣ такъ было странно его видѣть голенькимъ съ корзиной цвѣтовъ въ рукахъ. И когда я спросилъ художника, зачѣмъ онъ раздѣлъ, то онъ объяснилъ мнѣ, что каждая фигура для картины сначала рисуется голой. Сказалъ также, что прежде чѣмъ писать картину красками, надобно ее нарисовать углемъ, карандашемъ или мѣломъ. Прежде всего художникъ дѣлаетъ эскизъ, т. е. набрасываетъ на бумагу свои мысли. Затѣмъ дѣлается другой эскизъ, уже на полотнѣ, красками, на которомъ намѣ-

чается, кромѣ расположенія фигуръ, и освѣщеніе; потомъ художникъ подбираетъ для себя типы и дѣлаетъ съ нихъ этюды въ настоящую величину, или въ половину, или четверть натуры.

Когда весь матеріалъ готовъ, онъ принимается за картину. Какіе я видѣлъ у него прекрасные костюмы! Между ними были кардинальскія пурпуровыя мантии, голубыя бархатныя, съ бѣлыми перьями шапочки пажей, одежды средне-вѣковыхъ рыцарей, колчуги и латы. Меня очень заинтересовала эта обстановка, и художникъ съ необыкновеннымъ радушіемъ показывалъ мнѣ всѣ его сокровища. И дѣйствительно, это были сокровища. Сколько у него фотографій и гравюръ, сколько прекрасныхъ копій съ древнихъ мастеровъ, которыми Римъ полонъ! Кромѣ этого, у него масса разнаго рода оружій, чеканныхъ вещей, хрусталя и старыхъ матерій. Это не мастерская, а настоящій музей. Пока онъ мнѣ все показывалъ и рассказывалъ, голенькій мальчикъ сидѣлъ на подставкѣ и ѣлъ хлѣбъ. Это былъ хорошенькій мальчикъ, съ черными вьющимися волосами и смуглый, какъ цыганенокъ. За позировку ему платятъ два франка въ часъ, а пропозировать онъ можетъ часовъ шесть. Такъ что онъ каждый день приноситъ своимъ роднымъ очень хорошій заработокъ.

Когда я вошелъ, художникъ почти окончилъ его рисовать углемъ и уже хотѣлъ начать писать красками. Когда я сказалъ ему, что мнѣ очень хочется видѣть, какъ пишутъ красками, онъ сейчасъ же взялъ изъ своего столика нѣсколько жестяныхъ пузырьковъ, отвернулъ крышечки и выдавилъ изъ нихъ на палитру краски. Потомъ онъ взялъ муштабель, длинную палку, положилъ его на подрамокъ съ полотномъ, оперся на него рукой и, взявши кисть, началъ подмалевывать головку мальчика. Онъ дѣлалъ это чрезвычайно быстро: въ какой нибудь часъ времени, головка была подмалевана. Ну, а что будетъ дальше? спросилъ я. Что будетъ дальше? отвѣтилъ онъ;—когда краски подсохнутъ,

начну снова писать, буду отдѣлывать детали, потомъ я этого мальчишку одѣну въ его національный костюмъ, намѣчу складки, потомъ надѣну этотъ самый костюмъ на манекенъ и такъ съ него и кончу. Цвѣты также напишу съ натуры.

Изъ своей мастерской онъ меня повелъ въ мастерскую скульптора. Здѣсь опять для меня все ново. Мастерская такая же, какъ и у художника, но обстановка совсѣмъ другая. Въ этой мастерской какъ-то мертво. Когда мы вошли, въ ней работало нѣсколько человѣкъ. Самъ скульпторъ лѣпилъ изъ зеленоватой глины бюстъ какого-то старика. Его помощникъ высѣкалъ изъ громадной глыбы бѣлаго мрамора цѣлую группу. Тутъ-же формовали изъ гипса бюсты, руки, ноги. Скульпторъ, видя съ какимъ вниманіемъ я слѣдилъ за его работой, началъ мнѣ показывать готовые и начатыя работы. Мнѣ особенно понравились двѣ вещи: „Рѣзвуха“ и „Игра въ жмурки“. „Рѣзвуха“—это маленькая дѣвочка, переходящая черезъ ручей. Она балансируетъ, чтобы не упасть въ воду. На ней надѣта одна только рубашечка, подобранная у пояса. Когда я ее видѣлъ, она была въ глинѣ, но скульпторъ хотѣлъ ее отливать изъ бронзы. Дѣти, играющія въ жмурки, были въ гипсѣ.

Надобно тебѣ сказать, что статуя въ гипсѣ очень теряетъ. Онѣ мнѣ больше нравятся, если не въ мраморѣ или бронзѣ, то въ глинѣ или терра-котѣ, т. е. обожженной глинѣ. Скульпторы въ своихъ работахъ поступаютъ такъ же, какъ и художники. Сначала лѣпятъ изъ глины голую фигуру, затѣмъ драпировки кончаютъ съ манекена. Въ работахъ же у нихъ большая разница. Живопись имѣетъ то преимущество, что даетъ фигурѣ жизненные краски колоритъ, но въ то же время имѣетъ тотъ недостатокъ, что показываетъ фигуру только съ одной стороны. Скульптура напротивъ, имѣетъ возможность показать фигуру съ разныхъ точекъ, за то не даетъ ей колорита.

Изъ мастерскихъ, художникъ повелъ меня въ трагаторію пообѣдать. Здѣсь обѣдаютъ въ двѣнадцать часовъ. По дорогѣ

мы натолкнулись на очень смѣшную сцену. Надобно тебѣ сказать, что у римлянъ развита страсть къ лотереямъ, изъ которыхъ, какъ оказалось, не изъяты и обѣды. Не доходя до траторіи, мы встрѣтили молодого итальянца, стоявшаго подлѣ каменной стѣны, поросшей плющемъ, съ двумя корзинами, наполненными тарелками; собакъ подлѣ этихъ корзинъ было множество и, въ то время, какъ онъ предлагалъ прохожимъ, бѣгущимъ обѣдать, билеты съ нумерами, собаки съ какимъ-то ожесточеніемъ обнюхивали корзины. Видя мое удивленное лицо, художникъ объяснилъ мнѣ, что въ этихъ корзинахъ находятся тѣ самые обѣды, которые подлежатъ розыгрышу. Цѣна билету два сольда, сольдъ равняется нашей копѣйкѣ. Подлѣ такихъ аферистовъ всегда собирается цѣлая толпа народа. Билеты моментально разбираются и выигравшій тутъ же, на улицѣ, съѣдаетъ свой обѣдъ. Въ то время, когда разыгрывались обѣды, къ толпѣ подошелъ старичекъ. Уставивъ на доскѣ съ протянутой струной двухъ куколъ, онъ затянулъ на своемъ баранѣ (баранья кожа, въ которую вдѣлана дудка) какую-то однообразную арію, и съ помощью ноги, привелъ въ движеніе своихъ куколъ. Это былъ живописный старичекъ, котораго художникъ тотчасъ же пригласилъ къ себѣ позировать. Мнѣ нигдѣ не случалось видѣть столько уличныхъ сценъ, какъ здѣсь. Въ Римѣ вообще много пѣнія и музыки. Были мы здѣсь въ театрѣ, слушали оперу, и, возвращаясь ночью, дивною лунною ночью, домой, слушали какъ публика, идущая толпой изъ театра, пѣла только что слышанныя нами аріи. Ахъ! что это за голоса, хоть сейчасъ на сцену! А какъ римляне строго относятся къ пѣвцамъ. Вообрази, въ первомъ ряду креселъ сидятъ съ партитурами и зорко слѣдятъ за исполненіемъ и если, Боже сохрани, пѣвецъ или пѣвица ошибутся, сейчасъ кричатъ *falso! falso!* Но я слишкомъ забѣгаю впередъ—вотъ что значитъ торопиться,—но ты понимаешь, мнѣ хочется поскорѣе тебя со всѣмъ познакомить.

Ну вотъ мы и въ траторіи. День жаркій, народу много.

Итальянцы сняли свои фальшивые воротники и манжеты и поставили ихъ на столъ. Имъ бѣднымъ жарко!...

Намъ подали очень невкусный супъ, затѣмъ очень вкусныя макароны, курицу, какъ-то особенно приготовленную, и превосходное мороженое, котораго я съѣлъ двѣ порціи. Едва мы успѣли кончить обѣдъ, какъ въ тракторію вошли всѣ наши: отецъ, мать, жена художника съ сыномъ, и мы въ коляскѣ, запряженной парой рыжихъ лошадей, разукрашенныхъ цвѣтами и перьями, поѣхали въ маленькій городокъ Дженсано, посмотреть на „Праздникъ цвѣтовъ“. Дорога въ Дженсано восхитительная! Мы проѣзжали мимо древнихъ водопроводовъ—это рядъ арокъ въ два и три этажа, отъ которыхъ теперь остались одни только развалины. По дорогѣ намъ постоянно попадались коляски, фіакры; очень многіе ѣхали верхомъ. Мнѣ очень нравятся здѣшніе ослики! Маленькое сѣренькое животное, съ тоненькими ножками, которыя такъ осторожно шагаютъ, иногда везетъ на себѣ толстаго претолстаго итальянца, съ ногами, почти касающимися земли. И онъ ничего,—спѣшитъ догнать лошадей, побрякивая своими бубенчиками. Вообще же ослики здѣсь встрѣчаются не часто. Прежде чѣмъ попасть въ Дженсано, мы проѣхали по лѣсу оливъ. Нѣтъ, я не могу тебѣ описать прелести этого лѣса и этихъ деревьевъ съ маленькими листьями, точно кружево рисующимися на темносинемъ римскомъ небѣ. Въ воздухѣ была такая тишина, такой ароматъ, что описать этого нѣтъ силъ. Смѣняющіеся каждую минуту виды не давали ни на чемъ остановиться. То изъ-за топей и группы кипарисовъ выглянетъ монастырь, то попадется какая нибудь развалина, то блеснетъ, какъ зеркало, озеро! Вѣришь ли, я совсѣмъ утомился отъ постоянного напряженія все видѣть, обо всемъ расспросить и все узнать.

О „Праздникѣ цвѣтовъ“ мнѣ говорили заранѣе, что это что-то особенное, чего кромѣ Италіи видѣть нигдѣ нельзя. Городокъ Дженсано утопаетъ въ зелени, въ цвѣтахъ. Когда мы къ нему подъѣхали, со всѣхъ сторонъ шли толпы, одѣ-

МАРІОНЕТКИ.

тыя въ праздничные наряды. Золотыя и серебрянныя украшенія такъ и горѣли на солнце. Черныя бархатныя куртки и синія жилеты чучаръ, смѣшивались съ красными суконными, обшитыми позументомъ, кофтами альбанокъ. Костюмы этихъ женщинъ чрезвычайно красивы: на головѣ онѣ носятъ длинныя бѣлыя вуали, которыя съ боковъ прикалываются большими золотыми или серебряными шпильками филигра-

РИМСКІЙ КРЕСТЬЯНСКІЙ МАЛЬЧИКЪ.

новой работы. Итальянки вообще любятъ украшенія и во время праздниковъ надѣваются на себя всѣ вещи, которыя у нихъ есть. Эта пестрая толпа шла къ площади, на которой были выстроены лавочки, гдѣ, на открытомъ воздухѣ, въ жаровняхъ, на которыхъ стоятъ глубокія сковороды—приготавливаются разные *fritto* и *frittelli*. Первое состоитъ изъ рыбъ, брокколи, родъ цвѣтной капусты, печенки, мозговъ, второе сладкое, въ родѣ нашихъ аладьевъ. То и другое

очень вкусно. Потомъ здѣсь, въ Италіи, много ѣдятъ ветчины, вмѣстѣ съ свѣжими винными ягодами. Сначала мнѣ казалось это противнымъ, а теперь у меня не обходится ни одинъ день безъ этого вкуснаго завтрака. Кромѣ свѣстныхъ лавочекъ, на площади были устроены столы, на которыхъ продавали жареную свинину, сыръ—пармезанъ, кругами котораго въ Римѣ, съ низу и до потолка, завалены всѣ лавки, и другія яства. Здѣсь мы оставались не долго, мы пошли по направленію къ главному пункту.

Я даже не знаю, смогу ли я описать тебѣ ту картину, на которую я смотрѣлъ почти цѣлый часъ. Дома на улицѣ, гдѣ происходило торжество, съ обѣихъ сторонъ были украшены знаменами и гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ; вдоль улицы, идущей въ гору, на верху которой находится монастырь, лежалъ коверъ изъ живыхъ цвѣтовъ! И это на разстояніи сотни сажень! Ну, вообрази себѣ роскошный бархатный коверъ, состоящій изъ арабесокъ и всевозможныхъ рисунковъ. Середину ковра занималъ итальянскій гербъ, немного далѣе извѣстные помпейскіе голуби, вытаскивающіе изъ овальной вазы жемчужную нитку, и т. п. изображенія, и все это сдѣлано изъ лепестковъ свѣжихъ цвѣтовъ, съ небольшою примѣсью красокъ. А дѣлается это такъ: улица или мѣсто, гдѣ предполагается положить коверъ, вычищается, вымѣтается, и извѣстное количество земли, квадратъ или овалъ, разбивается посредствомъ намѣленной веревки на квадратики. Каждый квадратикъ засыпается цвѣтами, которые, черезъ мелкую сѣтку лейки, поливаются водой, чтобы лепестки не разлетались. Цвѣты предварительно собираются въ громадныя кадки, гдѣ въ нихъ и примѣшиваютъ краску. Теперь ты можешь себѣ представить то количество цвѣтовъ, лепестки которыхъ идутъ на дѣланіе живыхъ ковровъ. И эти ковры встрѣчаются по всѣмъ направленіямъ, у входовъ въ сады, дома, *saffe* и траторіи. Издали я принялъ эти ковры за роскошные гобелены, которые я видѣлъ въ Парижѣ. Налюбовавшись этимъ велико-

лѣпнымъ зрѣлищемъ и наслушавшись музыки, которая играла по всѣмъ направленіямъ, мы пошли посмотрѣть на озеро Неми, которое называютъ зеркаломъ Діаны, богини охоты. Это овальное озеро необыкновенно прозрачно и живописно; зелень, окаймляющая его, имѣетъ видъ изумрудной рамы.

Отсюда мы отправились смотрѣть на скачки. Въ воздухѣ стоялъ гулъ, производимый свистульками. Эти свистульки сдѣланы изъ гипса, съ изображеніемъ англійскихъ леди, собакъ, кошекъ. Здѣсь былъ по истинѣ адъ! Эти крики, шумъ, хохотъ и гамъ сопровождали лошадей, которыя, разукрашенные разноцвѣтными бумагами, неслись на извѣстномъ разстояніи, какъ угорѣлыя!

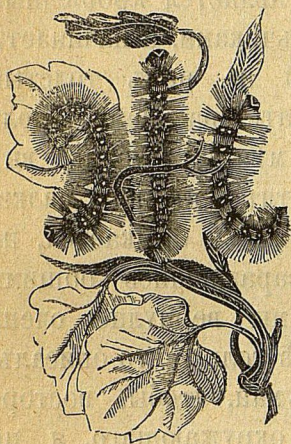
Когда скачки были кончены, призы получены, вдругъ откуда ни возмись, на мѣстѣ скачки является крошечный осликъ, въ красной уздѣжкѣ, съ колокольчиками, и начинаетъ брыкаться во всѣ стороны. Сидящій на немъ толстый итальянецъ, желая, вѣроятно, проскакать на немъ вдоль арены, не въ силахъ сдвинуть его съ мѣста. Публика внѣ себя отъ смѣха, со всѣхъ сторонъ летятъ въ него палки, зонты, апельсины, лимоны, а онъ стоитъ и брыкается, но это было такъ смѣшно, что толпа, заразившись общимъ смѣхомъ, просто стонала. Въ Римъ мы вернулись очень поздно. Такого зрѣлища, которое я тебѣ только что описалъ, я конечно никогда не увижу. Но не думай, чтобы, восторгаясь и отдаваясь вполнѣ впечатлѣнію окружающаго, я не вспоминалъ о тебѣ. Напротивъ, я часто вспоминаю и тебя, и мою родину. Она мнѣ мила со своими снѣгами, сугробами и мятелями. Сколько разъ, страдая отъ палящихъ лучей итальянскаго солнца, я вспоминаю наше сѣренькое небо, нашихъ бѣдныхъ, изнуренныхъ работой мужичковъ и издали желаю имъ хорошаго урожая.

Въ слѣдующемъ письмѣ опишу тебѣ здѣшнія галлерей, церкви и развалины. Такъ много интереснаго, что я совсѣмъ растерялся.

Твой Анатолий.

РОДЯ.

(Новогреческая народная сказка).

ИЛѢ старикъ въ былые годы; дочекъ
Трехъ имѣлъ онъ, и звалася Родей
Самая меньшая. Эта Родя
Хороша была, какъ птичка въ полѣ,—
Такъ красива, что царю хотъ въ дочки;
И дивились всѣ, что не имѣла
Крылышекъ она, какъ божьи духи.

Гдѣ бы Родя, съ сестрами своими
И съ другими дѣвушками въ селахъ
На лугу ромейку *) не плясала,—
Красоту ея хвалили всюду.
„Хороша, какъ солнце! говорили,—
Хороша она, какъ цвѣтъ гранатный,

Что направо и налѣво тихій
Вѣтерокъ качаетъ“. Сестры Роды
Были тоже хороши, да только
Ихъ при ней хвалить никто не думалъ:
Всѣхъ она собою затмѣвала.
И сестеръ сердило это крѣпко,
Оттого что думалось обѣимъ,
Что онѣ красивѣй всѣхъ на свѣтѣ,
И спросить онѣ рѣшились солнце,

*) Греческій тапецъ.

Кто изъ нихъ всѣхъ лучше. Взяли сестры
Зеркальце, и имъ поймали солнце,
И, поймавши, такъ его спросили:
„Ты скажи намъ, солнышко, межъ нами
Кто всѣхъ краше?“ Отвѣчало солнце:
„Я красиво, вы красивы тоже,
Но всѣмъ тремъ намъ далеко до Роды“.

И тогда задумали сестрицы
Погубить меньшую. Разъ, какъ стало
Ужъ темно, и всѣ втроемъ сидѣли
У огня и вышивали въ пальцахъ,
Пригласили сестры Родю—вмѣстѣ
Въ лѣсъ пойти, чтобъ тамъ отцу на ужинъ
Травъ нарвать. И завели далеко,
Такъ далеко Родю злая сестры,
Что никакъ бы ей домой дорогу
Не найдти; тутъ кинули бѣдняжку
И домой украдкой побѣжали.

А она и въ мысляхъ не имѣла,
Что творять съ ней злое. Ей казалось,
Что она съ дороги просто сбилась—
И отъ страха стала плакать Родя.
Съ нею былъ всего одинъ лимончикъ;
Пополамъ его разрѣзавъ, жажду
Утолила—да и ждетъ, что будетъ.

Между тѣмъ совсѣмъ уже стемнѣло
И въ горахъ завывли волки. Крѣпче,
Горше стала плакать Родя; послѣ
Подъ густой оливою усѣлась,
И скрестила на груди ручки,
И склонила голову къ колѣнамъ.
А когда, чрезъ нѣсколько мгновений,
Подняла опять ее, то видитъ—
Къ ней идетъ, блистая яркимъ свѣтомъ,
Издали процесія большая.
То была волшебница ночная,
Никтерида, со своею свитой;
Свой обходъ тайнственный свершала
Эта фея—въ длинномъ, длинномъ платьѣ
Изъ атласной и блестящей ткани;
Шлейфъ его тянулся вонъ изъ лѣса

По степи, аршинъ, пожалуй, на сто;
Съ головы покровъ спускался черный,
А на немъ сверкали ярко-ярко
Звѣзды всѣ полуночнаго неба.
Увидавъ рыдающую Родю,
Передъ ней остановилась фея
И спросила: „ты о чемъ горюешь?“
И тогда ей Родя рассказала,
Какъ она въ лѣсу съ дороги сбилась
И теперь дойти домой не можетъ.
Никтерида ей: „Пойдемъ со мною:
Я тебя возьму замѣсто дочки“.

И пошла съ волшебницею Родя,
И дошли они къ большимъ чертогамъ,
Гдѣ колонны—чистый, бѣлый мраморъ,
Ихъ края—всѣ въ серебрѣ, въ брилліантахъ;
А вокругъ—обвилися чудо-змѣи,
Весь дворецъ собою освѣщая.
Дали Родѣ дорогое платье—
Въ видѣ луга съ тысячею цвѣточковъ,
Вмѣсто красныхъ старенькихъ чарухій,
Ноги ей обули башмачками
Золотыми, голову жъ покрыли
Красной феской, какъ огонь горѣвшей
Отъ жучковъ свѣтящихся, нашитыхъ
Вкругъ нея.

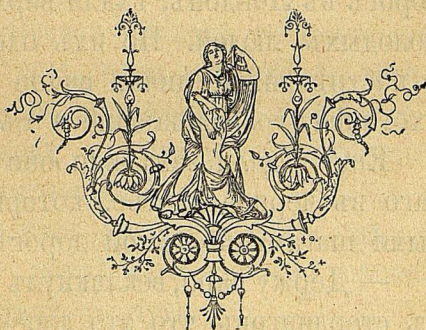
Но мы оставимъ Родю
И за злыхъ сестеръ теперь возьмемся.
Злые сестры думали, что Родя
Ужъ навѣрно съѣдена волками,
И опять онѣ поймали солнце
Зеркальцемъ, и снова спросили:
„Ты скажи намъ, солнышко, межъ нами,
Кто всѣхъ краше?“ Отвѣчало солнце:
„Я красиво, вы красивы тоже,
Но до Роды намъ всѣмъ тремъ далеко:
Ходитъ Родя въ платьицахъ цвѣточныхъ,
Въ серебрѣ, въ брилліантахъ: Никтерида
Приняла ее замѣсто дочки!“

И, услыша это, сестры взяли
Шарфъ волшебный: кто его надѣнетъ,—

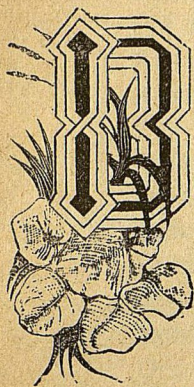
Смерть тому сейчасъ же. Съ этимъ шарфомъ
Пробрались въ чертоги къ Никтеридѣ
И сестру одну застали дома.
Родя очень, очень рада сестрамъ,
Ихъ въ глаза цѣлуетъ и даритъ имъ
Часть свою въ родительскомъ наслѣдствѣ;
А онѣ дарятъ ей шарфъ волшебный—
И уходятъ. Шарфомъ повязала
Родя шейку—и упала мертвой.

Петръ Вейнбергъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

ДЕРЕВЕНСКИЙ СВЯЩЕННИКЪ.

ВЪ ОДИНЪ холодный зимній день, по большой дорогѣ въ Лондонъ, ѣхали верхомъ нѣсколько молодыхъ людей. По ихъ одеждѣ, ружьямъ, и настрѣлянной дичи, видно было, что это охотники, возвращающіеся съ охоты.

Еще издали замѣтили они человѣка, одѣтаго въ черное платье, который шель быстрыми шагами по одной дорогѣ съ ними.

— Держу пари, воскликнулъ одинъ изъ охотниковъ, на фунтъ стерлинговъ, что это деревенскій пасторъ.

— Не думаю—должно быть кистеръ, возразилъ другой.

— Развѣ вы не видите, замѣтилъ третій, поправляя на глазахъ очки, въ какомъ жалкомъ состояніи его шляпа и широкая одежда,—конечно это только викарій.

— А вотъ сей часъ узнаемъ,—пустимъ лошадей прямо на него: если это пасторъ, онъ сдѣлаетъ намъ выговоръ, если же посторонится и вѣжливо сниметъ шляпу—викарій.

— Великолѣпно придумано Стибсъ! крикнули всѣ — прищипорили лошадей и шумно понеслись по широкой дорогѣ, въ сопровожденіи слугъ своихъ.

— Доброго утра, господинъ пасторъ, сказали они, медленно объѣзжая его.

— Я только приходскій викарій, джентельмены, вѣжливо снявши шляпу, отвѣчалъ прохожій.

— Угадалъ, Стибсь, громко смѣясь, сказали всадники и поскакали дальше.

Викарій добродушно посмотрѣлъ имъ въ слѣдъ и, разсуждая самъ съ собою, говорилъ: конечно, на лошади скорѣе достигнемъ извѣстнаго мѣста, чѣмъ на собственныхъ ногахъ, но на ногахъ вѣрнѣе; впрочемъ, будь я пасторомъ, быть можетъ, завелся бы лошадкой, чтобы отдаленные прихожане не умирали безъ духовнаго утѣшенія. Ну, да Богу милосердому лучше извѣстно, что намъ надобно.

Едва викарій произнесъ эти слова, какъ всадники снова подскакали къ нему и Стибсь сказалъ:

— Господинъ Викарій, не знаете-ли вы какъ проѣхать въ замокъ Монмутъ?

— Знаю, отвѣчалъ викарій, извольте укажу и даже готовъ проводить васъ, если поѣдете не такъ скоро.

— Зачѣмъ вамъ беспокоится, возразилъ Стибсь, смущенный его добротою; мы будемъ благодарны, если вы хотя укажете приблизительно.

— Лучше я васъ провожу: когда вы свернете съ большой дороги, то встрѣтитесь столько проселочныхъ дорогъ, что можете сбиться съ пути.

Предводимые викариємъ всадники двинулись впередъ.

— Вы такъ скоро идете, господинъ викарій, что мы только рысью можемъ поспѣть за вами; снова началъ Стибсь.

Викарій улыбнулся говоря.

— Дѣло привычки.

— Какъ великъ доходъ вашего пастората?

— Отъ семи до восьми сотъ фунтовъ стерлинговъ.

— Сколько вамъ удѣляется отъ этого?

— Сорокъ пять фунтовъ въ годъ.

— Боже великій! воскликнулъ Стибсь въ изумленіи! Можно ли этимъ жить?.. Вы женаты?

— Женатъ.

— И есть дѣти?

— Восемь человѣкъ къ вашимъ услугамъ.

— И только сорокъ пять фунтовъ! можно ли прожить этимъ, не воруя!

— Благодарю Бога, подобная мысль мнѣ и въ голову не приходила—голодными спать не ложились.

— Намъ слѣдуетъ поучиться у васъ бережливости.

— Можно довольствоваться и малымъ, кратко сказалъ викарій. Вотъ мы и достигли нашей цѣли — смотрите, это замокъ Монмутъ, а эта дорога ведетъ прямо къ нему.

Сказавши это, викарій снялъ шляпу и вѣжливо держалъ ее въ рукѣ, до тѣхъ поръ, пока всадники, поблагодаривъ его, усаkali.

— Паркеръ, сказалъ Стибсъ своему сосѣду, что ты бросилъ въ шляпу нашему проводнику, пока онъ говорилъ со мною. Неужели что нибудь насмѣхъ!

— Насмѣхъ! вздоръ какой, отвѣтилъ Паркеръ, я опустилъ въ шляпу бѣдняка пятифунтовую монету.

— Чудакъ! пожалуй онъ и не замѣтитъ твоего подарка.

— Это ужъ не мое дѣло! Если это человѣкъ честный, то моя монета принесетъ ему пользу, а нѣтъ — значитъ не стоитъ.

— Разсудилъ! доставилъ бы ты ему лучше мѣсто въ какомъ-нибудь пасторатѣ: говорятъ ты правая рука министра.

— Посмотримъ. Да вѣдь мы не знаемъ ни его имени, ни мѣста жительства. Никто изъ насъ не догадался спросить его объ этомъ.

Между тѣмъ викарій продолжалъ свой путь. „Я навѣрное знаю, думалъ онъ, что эти джентельмены хотѣли пошутить надо мною. Но, если кто проситъ тебя пройти одну милю, пройди съ нимъ двѣ. Мой завтракъ сегодня покажется мнѣ вдвое вкуснѣе.

Черезъ четверть часа викарій былъ уже въ своей небольшой квартиркѣ, состоящей изъ столовой спальни, передней и кухни! Дѣти радостно выбѣжали къ нему

на встрѣчу. Жена вышла съ полугодовымъ ребенкомъ на рукахъ, который, увидя отца, радостно захопалъ рученками.

Альвинъ взялъ у отца шляпу, Лиза палку, Эдуардъ вскочилъ на скамейку и помогаль ему снять верхнее платье, Марія принесла кресло, чтобы отецъ отдохнулъ скорѣе — между тѣмъ старшая дочь, Элеонора, накрыла на столъ.

— Что же ты, Ричардъ, не поцѣлуешь меня? спросилъ викарій семилѣтняго мальчика, тихо сидѣвшаго въ углу комнаты.

— Сію минуту, папа, отвѣчалъ ребенокъ, вставая и откладывая книгу въ сторону;—я читаль проповѣдь, которую хочу сказать сегодня послѣ обѣда.

— А кто твои слушатели? спросилъ, улыбаясь, викарій.

— Ты какъ то рассказываль, что святой Антоній Падуанскій говорилъ проповѣдь рыбаамъ, а я хочу сказать нашимъ овцамъ.

— Въ чемъ же состоитъ твоя проповѣдь? допрашивалъ викарій сына, видѣвшій въ немъ своего преемника.

— Я разсуждаю въ своей проповѣди, важно отвѣчалъ Ричардъ, о томъ, какъ для счастья овецъ необходимо пить, ѣсть и спать.

— И пастись на лугу, прибавилъ викарій;—ты забылъ самое главное.

— Элеонора не сказала этого, оправдывался Ричардъ.

— А вотъ и наша пажить готова, дѣти, сказала мать, указывая на столъ.

Дѣти стали вокругъ стола, посреди котораго стояла большая миска съ варенымъ картофелемъ и около каждаго прибора лежало по ломтю чернаго хлѣба. Отецъ съ глубокимъ чувствомъ произнесъ благодарственную молитву, и всѣ уѣлись по своимъ мѣстамъ; одно мѣсто оставалось не занятымъ.

— А гдѣ же Жоржъ? спросилъ викарій.

— Онъ еще не возвратился изъ Ньюкастля, отвѣчала

мать: я послала его продать немного масла и яиц; картофеля ему поставила въ печку,—чтобы не остылъ.

Бѣлые зубки дѣтей бойко трудились надъ картофелемъ и хлѣбомъ, приправленнымъ только солью.

Викарій, глядя на нихъ,—весело сказалъ:

— Подай, Господи, каждому такой хорошій обѣдъ, какой у насъ сегодня!

— Гмъ! сказала жена;—мясное блюдо не помѣшало бы. Когда я сравню нашъ обѣдъ съ обѣдомъ нашего богатаго пастора...

— Полно, милая; если у богатыхъ много блюдъ на столѣ, то нерѣдко недостаетъ аппетита.

Въ эту минуту отворилась дверь, и въ комнату вошелъ мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, по разруганному лицу котораго крупными каплями струился потъ. Въ рукахъ онъ держалъ убитаго зайца, возбудившаго изумленіе всей семьи.

— Посмотри, папа, сказалъ Жоржъ, съ торжественнымъ видомъ, какую я сдѣлалъ счастливую находку! Мнѣ хотѣлось догнать тебя, я скоро бѣжалъ по большой дорогѣ, вдругъ увидалъ этого зайца,—вблизи ни одной души, кто бы могъ обронить его.

— Вотъ у насъ и жаркое къ воскресенью, радостно сказала мать.

— Не увлекайся, милая Жанна? произнесъ викарій. Вѣдь эта находка, а не нашъ заяцъ. Вѣроятно, этого зайца обронили тѣ господа, которыхъ я провожалъ въ замокъ Монмутъ. Должно возвратить имъ ихъ собственность.

— Неужели ты хочешь идти въ замокъ, ради этого зайца? спросила Жанна. Тебя осмѣютъ.

— Лучше пусть осмѣютъ нежели утаить чужое, спокойно отвѣчалъ викарій.

Между тѣмъ дѣти съ любопытствомъ разсматривали зайца.

— Сынтъ мой! сказалъ викарій, возьми зайца и отправляйся съ нимъ въ замокъ Монмутъ; отдай его и поскорѣе возвращайся домой.

Жоржъ съ радостью послушался отца.

Онъ возвратился домой поздно вечеромъ уже, безъ зайца.

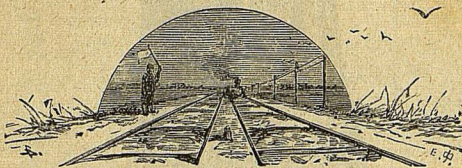
— Ну? спросилъ отецъ, отдалъ?

— Отдалъ, отвѣчалъ Жоржъ; я долго стоялъ у воротъ замка и чуть не замерзъ, какъ и заяцъ. Наконецъ, ко мнѣ подошелъ человѣкъ, и спросилъ, что мнѣ надобно? Я отвѣчалъ, что нашелъ этого зайца и намѣренъ возвратить господамъ, потерявшимъ его. Вотъ такъ кстати, сказалъ онъ: они послали меня за нимъ; я обронилъ его нечаянно и, взявъ у меня изъ рукъ зайца, быстро убѣжалъ, даже не поблагодаривши.

— Я думаю, это былъ мошенникъ, сказала мать Жоржа.

— Я тоже думаю, произнесъ викарій. Но мы все таки хорошо сдѣлали, что не оставили зайца у себя.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

НАТУРЩИЦА.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 августа 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.